

ИСТОЧНИКИ

УДК 94(47)«1918»

DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-3-82-105

Вебер Михаил Игоревич

к. и. н., научный сотрудник Центра политической и социокультурной истории, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (Россия, Екатеринбург)

ORCID: 0000-0001-7512-6087

E-mail: mikeveber@mail.ru

В поисках Академии Генерального штаба: отчет поручика А. А. Роджера о разведывательной миссии в тылу у красных в августе 1918 г.*

АННОТАЦИЯ. Публикуется отчет белого офицера Александра Александровича Роджера, которому начальник гарнизона города Екатеринбурга полковник Николай Вячеславович Шереховский дал секретное поручение: перейти линию фронта, пробраться в занятый красными город Пермь и установить связь с начальником Академии Генерального штаба – генерал-майором Александром Ивановичем Андогским. Кроме того, поручику А. А. Роджеру было дополнительно поручено собрать разведывательные сведения о количестве военных эшелонов с резервами Красной армии на железнодорожных станциях по пути в город Пермь. Выполнение этой опасной разведывательной миссии заняло две недели. По возвращении в Екатеринбург поручик А. А. Роджер подготовил подробный отчет, в котором изложил увиденное и пережитое во время своего опасного путешествия на вражескую территорию. Отчет Роджера – ценный источник по истории военной разведки в период Гражданской войны в России. На основе широкого круга исторических источников в статье реконструирована биография А. А. Роджера, а также установлены его родственные и социальные связи. Выявлены в архивах неизвестные ранее фотографии А. А. Роджера, которые публикуются в качестве иллюстраций к статье. С помощью этих фотографий А. А. Роджер идентифицирован на уже известных исследователям фотографиях периода Первой мировой войны. Для визуализации маршрута путешествия поручика А. А. Роджера через линию фронта из занятого белыми Екатеринбурга в удерживаемую красными Пермь и обратно была подготовлена карта-схема, публикуемая в приложении к статье.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Гражданская война, Восточный фронт, Урал, военная разведка, травелог, политическая история, историческая география, биография

Для цитирования: Вебер М. И. В поисках Академии Генерального штаба: отчет поручика А. А. Роджера о разведывательной миссии в тылу у красных в августе 1918 г. // Историко-географический журнал. 2024. Т. 3. № 3. С. 82–105. DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-3-82-105

Поступила в редакцию 03.06.2024

Принята к публикации 30.08.2024

© Вебер М. И., 2024

* Автор статьи выражает благодарность старшему научному сотруднику Центра экономической истории Института истории и археологии УрО РАН, к. и. н. Владимиру Петровичу Микитюку за помощь в поиске сведений об отце и деде А. А. Роджера.

SOURCES

UDC 94(47)«1918»

DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-3-82-105

Mikhail Ig. Weber

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Ekaterinburg)

ORCID: 0000-0001-7512-6087

E-mail: mikeveber@mail.ru

In Search of the General Staff Academy: Lieutenant Alexander A. Roger's Report on a Reconnaissance Mission in the Rear of the Reds in August, 1918

ABSTRACT. The paper presents the report of the White officer Alexander Alexandrovich Roger. The head of the garrison of the city of Ekaterinburg, Colonel Nikolai Vyacheslavovich Sherekhovskiy, gave him a secret assignment: to cross the front line, get into Perm occupied by the Reds and establish contact with the head of the General Staff Academy, Major General Alexander Ivanovich Andogskiy. In addition, Lieutenant Alexander A. Roger was additionally instructed to collect intelligence information on the number of military echelons with the Red Army reserves at railway stations on the way to Perm. It took two weeks to complete this dangerous reconnaissance mission. Upon his return to Ekaterinburg, Alexander A. Roger prepared a detailed report in which he outlined what he saw and experienced during his dangerous journey into enemy territory. This report is a valuable source on the history of military intelligence during the Russian Civil War. The paper reconstructs the biography of Alexander A. Roger based on a wide range of historical sources, as well as establishes his family and social ties. Previously unknown photographs of Alexander A. Roger have been found in the archives. These photographs are published as illustrations for the paper. With the help of these photographs, Alexander A. Roger was identified in already known photographs. To visualize the travel route of Lieutenant Alexander A. Roger, a schematic map was prepared, which is published in the appendix to the paper.

KEYWORDS: Civil War, Eastern Front, Urals, military intelligence, travelogue, political history, historical geography, biography

For citation: Weber M. Ig. [In Search of the General Staff Academy: Lieutenant Alexander A. Roger's Report on a Reconnaissance Mission in the Rear of the Reds in August, 1918]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2024, vol. 3, no. 3, pp. 82–105. DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-3-82-105 (In Russian).

Received 3 June 2024

Accepted 30 August 2024

Эпоха Великих географических открытий, как известно, закончилась в конце XVII в., с каждым следующим поколением географические открытия мельчали, и к началу XX в. на глобусе почти не осталось белых пятен. В частности, сравнительно хорошо изучена и картографирована была к этому времени территория Российской империи. Однако случился грандиозный социально-политический катаклизм, на некоторое время стерший границы привычного и вернувший дух приключений. Вспыхнувшая в России осенью 1917 г. Гражданская война разделила территорию страны линиями фронтов, и, как следствие, давно обжитые земли оказались покрыты туманом войны — снова превратились в *terra incognita*, а их обитатели со своими вновь приобретенными социальными и политическими привычками превратились в загадочных чужаков-туземцев со странными и непонятными ритуалами. В роли новых первопроходцев, картографов и этнографов в условиях военного времени выступили путешественники особого типа — шпионы, разведчики и диверсанты.

Читателям предлагается ознакомиться с отчетом о результатах своей разведывательной миссии одного из них — поручика А. А. Роджера. Публикуемый документ хранится в фонде 39797 «Начальник штаба гарнизона г. Екатеринбурга (“Российское правительство”)» Российского государственного военного архива (РГВА). Этот исторический источник был впервые введен в научный оборот екатеринбургским исследователем А. М. Кручининым¹, кратко пересказавшим его своими словами, но, безусловно, заслуживает полноценной публикации — как достоверное и весьма живописное описание красного тыла на Урале в начальный период Гражданской войны.

УРАЛЬСКАЯ ВЕТЬВЬ АНГЛИЙСКОГО КЛАНА РОДЖЕРОВ

Автор публикуемого документа — Александр Александрович Роджер (Роджерс) — был уроженцем Санкт-Петербурга. Согласно записи в метрической книге петербургской церкви Святой равноапостольной царицы Елены, что при Крестовоздвиженской общине сестер милосердия, 2 февраля 1894 г. «у мещанина города Екатеринбурга Пермской губернии Александра Александров[ич]а Роджер[а] и законной жены его Екатерины Васильевой, обоих православного исповедания и первобрачных, родился сын Александр. Таинство крещения совершено того же года и месяца девяттого (9) числа. Восприемниками при крещении его были: инженер-технолог Александр Иванов[ич] Роджер и вдова поручика Анна Андреев[н]а Зенченко²»³.

О происхождении семьи Роджеров в исторической литературе нет никаких сведений. Однако мне удалось отыскать зацепку — запись в метрической книге московской церкви Николая Чудотворца, что в Хлынове, о том, что 24 февраля 1833 г. «в доме графа и разных орденов кавалера Ивана Павловича Кутайсова у живущего во услугах а[н]гличанина Ивана Александров[ич]а Роджера и его законной грекороссийского исповедания жены Елисаветы Димитриевой родилась дочь Анна, которая того же числа за слабостию и за краткостию жизни крещена бабкою; и тогда же скончалась»⁴. По моему мнению, упомянутый англичанин Иван Александрович Роджер, слуга фаворита императора Павла I графа И. П. Кутайсова, — и есть родоначальник российской ветви Роджеров, это прадедушка поручика А. А. Роджера. Тот факт, что И. А. Роджер женился в России на православной — некой Елизавете Дмитриевне и крестил своих детей в православном храме, делает понятным, почему их сын, внук и правнук были православными, а не лютеранами.

Крестным отцом героя нашего рассказа стал его родной дедушка Александр Иванович Роджер — наиболее известный представитель уральской ветви их рода. Выпускник Санкт-Петербургского Технологического института, А. И. Роджер приехал на Урал в 1862 г. и больше 30 лет проработал на местных заводах. Вершиной его карьеры стала должность Управляющего Верх-Исетским горным округом, которую он получил в 1886 г.

¹ См.: Кручинин А. М. Секретное поручение // Ретроспектива. 2008. № 5 (10). С. 71–75; Он же. Белый Екатеринбург (1918–1919): армия и власть. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2018. С. 109–110.

² Возможно, это бабушка А. А. Роджера по материнской линии.

³ ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 3. Д. 5663. Л. 7.

⁴ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 299а. Л. 475.

Александр Иванович скончался 3 августа 1896 г. — во время отдыха на минеральных водах во Франции. В его некрологе, напечатанном в газете «Екатеринбургская неделя», отмечалось, что А. И. Роджер «был знающим механиком и обнаружил недюжинные способности на избранном им поприще» и благодаря ему «в Верх-Исетских заводах стал добываться серный колчедан и хромовая руда, которые с большим успехом стали сбываться в Англию. В последнее время при А. И. производительность Верх-Исетских заводов достигла наивысших размеров, так, например, выплавка чугуна в доменных печах с 1 300 000 пудов в год доведена до 2 200 000 пудов, заслугами А. И. надо признать устройство первой на Урале брикетной фабрики для прессования торфа. Это нововведение должно оказать громадную услугу в смысле сбережения лесов. Брикеты Верх-Исетского завода обратили на себя особое внимание на Нижегородской ярмарке. Затем покойным построена первая мартеновская печь в Верх-Исетском заводе»⁵. Отдельно в некрологе были подчеркнуты человеческие качества А. И. Роджера: «Как человек Александр Иванович отличался прямою, чрезвычайной честностью, добрым и открытым нравом. Для всех доступный, снисходительный, мягкий, глубоко справедливый и сердечный, он был окружен общою любовью своих подчиненных и сослуживцев»⁶.

Отец А. А. Роджера и его полный тезка — Александр Александрович Роджер — был средней руки чиновником. Он служил младшим помощником делопроизводителя 1-го делопроизводства Уральского горного управления и, неспешно продвигаясь по службе, к 1912 г. имел чин коллежского асессора. 24 февраля 1912 г. отец А. А. Роджера скоропостижно скончался и был похоронен на Ивановском кладбище Екатеринбурга. В его некрологе, опубликованном в газете «Уральская жизнь», отмечалось: «24 февраля скончался от тифа А. А. Роджер. Покойный с 1904 г. служил в Уральском горном управлении, занимая должность помощника делопроизводителя; до этого недолгое время был секретарем совета съездов горнопромышленников Урала. Сын бывшего главноуправляющего Верх-Исетским округом, уроженец Урала, А. А. Роджер горячо любил родной край, интересовался его промышленным ростом и был полезным работником в скромной служебной деятельности»⁷.

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

В 1904–1911 гг. А. А. Роджер учился в Пермском Алексеевском реальном училище. Помимо основного курса обучения продолжительностью 6 лет, он окончил 7-й, дополнительный, класс реального училища, дававший право выпускникам на поступление в высшие технические учебные заведения. Учился А. А. Роджер средне: в итоговом аттестате у него две тройки — по алгебре и тригонометрии, по остальным предметам — четверки и пятерки⁸, а в свидетельстве об окончании 7-го класса тройка осталась всего одна — по алгебре⁹.

В ходе исследования биографии А. А. Роджера мною была обнаружена в Государственном архиве Пермского края (ГАПК) выпускная фотография учеников 7-го класса Пермского Алексеевского реального училища и их преподавателей, сделанная в июне 1911 г. (см. цв. вклейку, рис. 11). На ней запечатлены как А. А. Роджер, так и его одноклассники. Среди одноклассников будущего героя Белого движения удалось выявить еще как минимум двух участников Гражданской войны в рядах колчаковской армии.

Один из них — Дмитрий Иосифович Тибо-Бриньоль (1893–1940) — сын екатеринбургского горного инженера Иосифа Иосифовича Тибо-Бриньоля. Вероятно, он был школьным другом А. А. Роджера¹⁰. После окончания реального училища их пути разошлись, Тибо-Бриньоль

⁵ А. И. Роджер // Екатеринбургская неделя. 1896. 18 августа. № 32. С. 696–697.

⁶ Там же.

⁷ А. А. Роджер // Уральская жизнь. 1912. 26 февраля. № 45. С. 3.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 3. Д. 5663. Л. 5.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 3. Д. 5663. Л. 4.

¹⁰ При поступлении в университет летом 1911 г. А. А. Роджер указал местом своего жительства дом управителя Полазненского завода. Отец его одноклассника Д. И. Тибо-Бриньоля горный инженер И. И. Тибо-Бриньоль с января 1908 г. по сентябрь 1910 г. был Управляющим Полазненским горным округом. Вероятно, школьные каникулы А. А. Роджер и Д. И. Тибо-Бриньоль проводили вместе.

поступил в Томский технологический институт, а Роджер уехал в Санкт-Петербург. Как и Роджер, Тибо-Бриньоль принял участие в Первой мировой войне. 1 мая 1915 г. он окончил Иркутское военное училище по 1-му разряду, затем воевал в рядах 23-го саперного батальона. 21 декабря 1916 г. был переведен в штаб 5-го армейского корпуса для работ по фотографической части. Во время Гражданской войны Д. И. Тибо-Бриньоль служил в колчаковской армии — в инженерном дивизионе 12-й Уральской стрелковой дивизии. 6 января 1920 г. он, к тому моменту уже капитан, попал в плен под Красноярском¹¹. Пройдя фильтрацию, в 1920–1922 гг. служил военным инженером в Красной армии. После демобилизации из РККА Тибо-Бриньоль вернулся в родной Екатеринбург, где работал в 1920-е — 1930-е гг. инженером-строителем. Его жизнь трагически оборвалась в годы Большого террора. 3 октября 1939 г. Д. И. Тибо-Бриньоль был арестован по ложному обвинению в принадлежности к польской контрреволюционной организации и 11 апреля 1940 г. приговорен Военным трибуналом Уральского военного округа к смертной казни. 28 августа 1940 г. Д. И. Тибо-Бриньоля расстреляли. В 1959 г. он был реабилитирован.

Не в пример удачнее сложилась судьба другого одноклассника А. А. Роджера — уроженца Перми Николая Васильевича Крисанова (Крысанова) (1893–1948). Подобно Роджеру и Тибо-Бриньолю, во время Первой мировой войны он тоже стал офицером военного времени: 1 июня 1915 г. Н. В. Крисанов окончил Павловское военное училище. На 29 сентября 1915 г. в чине прапорщика служил младшим офицером 3-й саперной роты 8-го саперного батальона. В 1919 г. поручик Н. В. Крисанов был мобилизован в колчаковскую армию. Как и Тибо-Бриньоль, в декабре 1919 г. Крисанов был взят в плен Красной армией, в которой, пройдя фильтрацию, он остался служить и сделал впечатляющую карьеру. В годы Великой Отечественной войны Н. В. Крисанов служил командиром 17-й саперной бригады (с ноября 1941 г.), начальником инженерных войск 38-й армии (с августа 1942 г.) и начальником инженерных войск 3-й ударной армии (с марта 1944 г.). Осенью 1943 г., во время операции по форсированию Днепра, генерал-майор Крисанов лично руководил постройкой огромного 600-метрового моста через Днепр на Лютежский плацдарм, за что 29 октября 1943 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза¹². Николай Васильевич скончался 12 октября 1948 г. и был похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве. Его именем названа улица в Перми.

Помимо двух одноклассников А. А. Роджера, активное участие в Гражданской войне принял и один из его преподавателей — правда, с пером в руках вместо шпаги. На аттестате об окончании Пермского Алексеевского реального училища, выданном А. А. Роджеру, помимо подписи директора Федора Федоровича Скурского стоит и подпись секретаря педагогического совета училища Николая Александровича Несслера (1885–1960). Выпускник историко-филологического факультета Московского университета Н. А. Несслер с 1909 г. преподавал в Пермском Алексеевском реальном училище историю. После Февральской революции 1917 г. он активно включился в общественно-политическую жизнь: 5 марта 1917 г. был избран членом Пермского комитета общественной безопасности, 29 марта — гласным Пермской городской думы, 18 апреля вошел в руководство Пермской организации партии кадетов, осенью 1917 г. безуспешно баллотировался в Учредительное собрание по списку партии кадетов¹³. После взятия Перми колчаковцами Н. А. Несслер редактировал популярную местную антибольшевистскую газету «Свободная Пермь». Как идейный противник большевиков, летом 1919 г. он вместе с отступающими колчаковскими войсками уехал в Сибирь. Дальнейшая его судьба пермским краоведам была неизвестна. Как удалось установить, Н. А. Несслер не эмигрировал, он остался в Советской России и сумел выжить в период сталинских репрессий. Николай Александрович скончался 18 ноября 1960 г. в Москве и был похоронен на Новодевичьем кладбище в одной могиле со своей женой Ниной Николаевной (урожд. Зосимовской) (1883–1934).

¹¹ Кручинин А. М. 12 Уральская стрелковая дивизия в борьбе на Востоке России. 1918–1920 гг. (окончание) // Белая армия. Белое дело. 2012. № 20. С. 31.

¹² Пермское Алексеевское реальное училище. 1876–1917 гг. У истоков профессионального образования... / И. Л. Мишакина, А. Д. Дическул, Г. О. Смагина, О. А. Курлеева. Пермь, 2016. С. 107.

¹³ Там же. С. 75.

НА УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СКАМЬЕ И В ОКОПАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

Летом 1911 г. А. А. Роджер поступил на экономическое отделение Санкт-Петербургского политехнического университета императора Петра Великого и следующие несколько лет провел на университетской скамье¹⁴. В личном деле, заведенном на студента А. А. Роджера в Санкт-Петербургском политехническом университете, сохранилась его фотография: вчерашний реалист, юнец, у которого только начали пробиваться усы, мечтательным взглядом смотрит в объектив фотоаппарата, — ничто не выдает в нем будущего отчаянного храбреца-офицера (см. цв. вклейку, рис. 12). Завершить обучение и получить университетский диплом Роджеру, как и другим юношам его поколения, помешала начавшаяся Первая мировая война.

30 сентября 1916 г. после ускоренного 4-месячного курса обучения А. А. Роджер окончил 1-ю Петергофскую школу подготовки прапорщиков пехоты и был произведен в прапорщики по армейской пехоте Главным начальником Петроградского военного округа. Производство Роджера и других офицеров из его выпуска в прапорщики было утверждено Высочайшим приказом от 16 декабря 1916 г.

Благодаря фотографии из личного дела А. А. Роджера мне удалось идентифицировать А. А. Роджера на двух групповых фотографиях выпускников 1-й Петергофской школы подготовки прапорщиков пехоты (рис. 1 и 2). Присутствие на этих фотографиях А. А. Роджера подтверждается следующим фактом: на обороте одной из фотографий выпускники оставили свои пожелания владельцу фотографии — судя по всему, их однокурснику, хорошо умевшему петь¹⁵. Среди тех, кто расписался на обороте фотографии, четко различима подпись А. А. Роджера (рис. 3).

Рис. 1. Групповое фото выпускников 1-й Петергофской школы прапорщиков. Выпуск 30 сентября 1916 г.

А. А. Роджер предположительно лежит крайний слева в первом ряду снизу

Fig. 1. Group photo of graduates of the 1st Peterhof School of Ensigns. Graduation of September 30, 1916.

A. A. Roger is presumably lying far left in the first row from the bottom

Источник: База данных «Офицеры Русской императорской армии» [Электронный ресурс].

Режим доступа: URL: https://www.ria1914.info/index.php/Файл:Выпуск_1-й_Петергофской_школы_прапорщиков,_1916.jpg (дата обращения: 10.05.2024)

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 3. Д. 5663. Л. 2.

¹⁵ На это указывают следующие дарственные надписи на обороте фотографии: «Второму Шаляпину», «Псалмопевцу-октависту», «Басу — от тенора» и др.

Рис. 2. Групповое фото выпускников 1-й Петергофской школы прапорщиков. Выпуск 30 сентября 1916 г.

А. А. Роджер предположительно стоит на одном колене крайний слева во втором ряду снизу

Fig. 2. Group photo of graduates of the 1st Peterhof School of Ensigns. Graduation of September 30, 1916.

A. A. Roger is presumably kneeling on the far left in the second row from the bottom

Источник: База данных «Офицеры Русской императорской армии» [Электронный ресурс].

Режим доступа: URL: [https://www.ria1914.info/index.php/Файл:1-я_Петергофская_школа_прапорщиков_30.09.1916_\(1\).JPG](https://www.ria1914.info/index.php/Файл:1-я_Петергофская_школа_прапорщиков_30.09.1916_(1).JPG) (дата обращения: 10.05.2024)

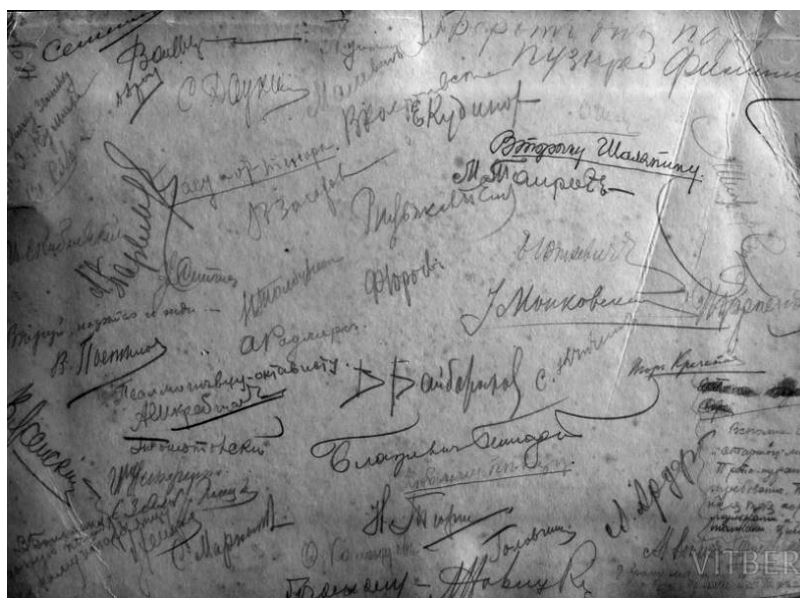

Рис. 3. Обратная сторона фотографии № 4 с автографами выпускников 1-й Петергофской школы прапорщиков. А. А. Роджер расписался в центральной части фотографии

Fig. 3. The back of the photograph № 4 with autographs of graduates of the 1st Peterhof School of Ensigns.

A. A. Roger signed the central part of the photograph

Источник: База данных «Офицеры Русской императорской армии» [Электронный ресурс].

Режим доступа: URL: [https://www.ria1914.info/index.php/Файл:1-я_Петергофская_школа_прапорщиков_30.09.1916_\(2\).JPG](https://www.ria1914.info/index.php/Файл:1-я_Петергофская_школа_прапорщиков_30.09.1916_(2).JPG) (дата обращения: 10.05.2024)

На фронтальной части этой фотографии есть надписи: «Демократы» и «Долой черносотенцев» (рис. 2), дающие представление о политических взглядах этой группы молодых офицеров военного времени.

За год, проведенный на фронтах Первой мировой войны, А. А. Роджер успел проявить себя как смелый офицер: он был произведен в чины подпоручика (со старшинством с 1 января 1917 г.), а затем и поручика (со старшинством с 1 апреля 1917 г.)¹⁶. Его отличия в боях были отмечены орденами Св. Станислава 3-й степени и Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

В БЕЛОМ ПОДПОЛЬЕ

После того, как захватившие власть в стране большевики демобилизовали русскую армию, Роджер вернулся в Екатеринбург, где поступил на службу заведующим подотделом технической статистики в Областное правление национальными предприятиями Урала (бывшее Уральское горное управление, в котором ранее служил его отец). Однако служба в советском органе управления уральской промышленностью служила лишь прикрытием для подпольной работы: в июне 1918 г. А. А. Роджер вступил в Тайную военную организацию, готовившую вооруженное восстание против советской власти.

В ночь с 24 на 25 июля 1918 г. екатеринбургским подпольщикам удалось реализовать свой план и захватить Екатеринбург в момент эвакуации советских учреждений из города. После прихода в Екатеринбург белых и чехов члены Тайной военной организации начали получать назначения в армейские части, штабы и военные учреждения Сибирской армии и Чехословацкого корпуса. В частности, А. А. Роджер был прикреплен к Военному контролю при штабе начальника гарнизона города¹⁷.

31 июля 1918 г. бывший подпольщик А. А. Роджер получил приказ начальника гарнизона Екатеринбурга полковника Н. В. Шереховского, ранее также состоявшего в антибольшевистском подполье, отправиться на крайне опасную миссию в тылу у красных: ему поручалось пересечь линию фронта, пробраться в Пермь и установить связь с начальником эвакуированной красными из Екатеринбурга Академии Генерального штаба А. И. Андогским, а попутно провести глубокую разведку и установить количество резервов Красной армии на железнодорожных станциях в прифронтовой полосе.

Чем был вызван такой интерес белых подпольщиков к Академии Генерального штаба, помимо ее очевидной значимости как кузницы элитных офицерских кадров? Дело в том, что среди членов Тайной военной организации было немало слушателей Академии Генерального штаба. Кроме того, начальник Академии Генерального штаба А. И. Андогский, хотя сам и не состоял в подпольной организации, предпочитая, видимо, играть роль серого кардинала, консультировал начальника штаба подпольщиков штабс-капитана А. А. Бурова при разработке плана по свержению советской власти в Екатеринбурге¹⁸.

Как мне удалось доказать, екатеринбургские подпольщики предприняли первую попытку поднять восстание в городе на сутки раньше — в ночь с 23 на 24 июля 1918 г. — как раз с целью сорвать эвакуацию большевиками Академии Генерального штаба из Екатеринбурга¹⁹. По ряду причин эта попытка сорвалась, и Академия Генерального штаба была благополучно вывезена красными в Пермь. Белые подпольщики, все же захватившие город со второй попытки, судя по всему, решили доложить об успехе своего предприятия А. И. Андогскому и наладить с ним прочную курьерскую связь.

УВИДЕТЬ ПЕРМЬ И НЕ УМЕРЕТЬ

Какие причины побудили командование белых, выбирая агента для этой опасной разведывательной миссии, остановить свой выбор на Роджере? Во-первых, несомненно, свою роль сыграло

¹⁶ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 62. Л. 170об.

¹⁷ Кручинин А. М. Секретное поручение. С. 72.

¹⁸ Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014. С. 207.

¹⁹ Вебер М. И. Ю. И. Крыжановский как деятель антибольшевистского движения Урала и Сибири в 1918–1920 годах // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 10. С. 312–314.

то обстоятельство, что Роджер семь лет прожил в Перми, пока учился в Пермском Алексеевском реальном училище, и, следовательно, хорошо знал этот город, а также имел в нем друзей и знакомых, у которых мог при случае остановиться. Во-вторых, сыграло свою роль и то, что Роджеру не надо было изготавливать фальшивые документы и придумывать легенду: поскольку он служил в первой половине 1918 г. в советском учреждении, то имел подлинное служебное удостоверение, подписанное комиссаром производства Уральской области А. А. Кузьминым, и мог пересечь линию фронта под своим настоящим именем, выдав себя за лояльного советской власти человека, бегущего с территории, занятой белыми.

В-третьих, как представляется, не последнее место в череде аргументов в пользу кандидатуры Роджера сыграли и его личные качества. Понятно, что агент, отправляемый на такое опасное задание в тылу противника, должен был быть человеком храбрым, хладнокровным и наблюдательным, а также уметь располагать к себе незнакомых собеседников. Судя по всему, именно такими качествами и обладал А. А. Роджер с точки зрения людей, отправивших его на разведку в тыл красных, — начальника гарнизона Екатеринбурга полковника Н. В. Шереховского и начальника Военного контроля при штабе начальника гарнизона Екатеринбурга штабс-капитана Н. И. Белоцерковского. Поскольку Роджер ранее состоял в екатеринбургском антибольшевистском подполье, то можно предположить, что он заслужил доверие, выполняя какие-то рискованные и ответственные поручения руководства белых подпольщиков.

Путешествие А. А. Роджера из белого Екатеринбурга в красную Пермь и обратно заняло две недели. Для визуализации маршрута путешествия поручика А. А. Роджера нами была подготовлена карта-схема (см. цв. вклейку, рис. 13). Покинув Екатеринбург 1 августа 1918 г., уже 6 августа он смог добраться до Перми. Линию фронта Роджер перешел в Красноуфимском уезде Пермской губернии. Примечательно, что с разницей в несколько дней на этом же участке фронта, но двигаясь в обратном направлении — из Перми в Екатеринбург, перешел линию фронта красный разведчик А. И. Тарасов-Родионов, также оставивший подробное описание своего путешествия²⁰.

В пути А. А. Роджер собрал массу ценной и полезной для белого командования информации о состоянии тыла красных в прифронтовой полосе. Однако главная цель его миссии была заведомо обречена на провал: Академия Генерального штаба, прибывшая в Пермь по железной дороге 27 июля 1918 г., уже на следующий день на пароходе «Феодор» проследовала дальше на запад — в Казань²¹. Таким образом, А. А. Роджер, выехавший из Екатеринбурга только 1 августа 1918 г., не имел ни малейшего шанса догнать ее в Перми.

Удостоверившись, что Академия Генерального штаба увезена большевиками из Перми, А. А. Роджер благополучно вернулся в Екатеринбург, где и представил 18 августа 1918 г. начальнику гарнизона Екатеринбурга свой доклад об увиденном и пережитом во время выполнения данного ему поручения в красном тылу. Доклад получил высокую оценку командования, и Роджеру была объявлена благодарность в приказе по войскам гарнизона.

В КОЛЧАКОВСКОЙ АРМИИ

30 августа 1918 г. Роджер был назначен командиром 5-й роты 25-го Екатеринбургского полка горных стрелков²². В рядах этого полка с высоким процентом добровольцев Роджер год пробыл на фронте: участвовал в тяжелых боях под Нижним Тагилом, захватывал Кунгур и принимал участие в весеннем наступлении к Волге. В боях на Восточном фронте А. А. Роджер был дважды ранен²³.

Стоит отметить, что помимо участия в боевых действиях 25-й Екатеринбургский полк горных стрелков принял участие в политической борьбе внутри антибольшевистского лагеря, закончившейся установлением военной диктатуры Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака.

²⁰ Вебер М. И. Несентиментальное путешествие: письмо А. И. Тарасова-Родионова в Петроградское бюро ЦК РКП(б) о своей поездке в Сибирь летом 1918 г. // Историко-географический журнал. 2023. Т. 2, № 3. С. 132–151.

²¹ Ганин А. В. Указ. соч. С. 217.

²² РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 62. Л. 170об.

²³ Кручинин А. М. Секретное поручение. С. 72.

Имеются основания предполагать, что А. А. Роджер вместе с другими бывшими екатеринбургскими белыми подпольщиками в составе группы офицеров и солдат 25-го Екатеринбургского полка горных стрелков принял участие в налете на гостиницу «Пале-Рояль» в Екатеринбурге 19 ноября 1918 г. и аресте проживавшего в ней лидера партии эсеров В. М. Чернова и других партийных руководителей — важной части колчаковского государственного переворота. 24 января 1919 г. полку было присвоено имя адмирала Колчака, формально — за взятие Кунгура, но, думается, не последнюю роль в том, что шефом полка стал лично Верховный правитель, сыграла заслуга полка в общем успехе колчаковского государственного переворота, а именно — эффективная нейтрализация съезда членов Учредительного собрания в Екатеринбурге и арест верхушки партии эсеров во главе с В. М. Черновым, пытавшимися организовать сопротивление перевороту.

Следующий поворот в судьбе А. А. Роджера связан с попыткой Верховного правителя России А. В. Колчака осенью 1919 г. спасти катастрофическую ситуацию на фронте путем развития широкого добровольческого движения в тыловых районах Сибири с целью пополнения армии мотивированными и политически лояльными бойцами. 28 августа 1919 г. начальником всех добровольческих формирований при Ставке Верховного Главнокомандующего был назначен бывший начальник гарнизона Екатеринбурга, а впоследствии командир 3-го Уральского корпуса горных стрелков, генерал-майор В. В. Голицын. Голицын выдвинул на должность своего уполномоченного в Томском районе кандидатуру полковника Б. А. Герасимова, бывшего командира 25-го Екатеринбургского полка горных стрелков, к этому времени вылечившегося после тяжелого ранения, полученного в бою 4 июля 1919 г. Полковник Герасимов, в свою очередь, после назначения набрал в свой аппарат хорошо ему знакомых офицеров 25-го Екатеринбургского полка горных стрелков, а среди них — и поручика А. А. Роджера. Таким образом, в сентябре 1919 г. А. А. Роджер стал помощником Уполномоченного по формированию добровольческих отрядов Томского района Б. А. Герасимова²⁴.

Рухнувший под ударами Красной армии и сибирских партизан колчаковский режим погреб под своими обломками многих участников Белого движения, не сумевших или не захотевших бежать за рубеж. Среди тех, кому не удалось спастись в хаосе отступления по заснеженным сибирским лесам, оказался и А. А. Роджер. По сведениям историка А. М. Кручинина, он был убит в январе 1920 г. под Красноярском²⁵. Так завершилась жизнь этого храброго офицера — одного из многих малоизвестных героев Белого движения на Востоке России.

Документ публикуется в современной орфографии, но с сохранением стилистических особенностей автора. Слова и части слов, пропущенные или сокращенные в документе, восстановлены по смыслу и обозначены квадратными скобками — [...]. Отдельные явные опечатки исправлены без оговорок.

Публикуемые документы

№ 1

Отчет поручика А. А. Роджера о своей поездке в Пермь через линию фронта

г. Екатеринбург

18 августа 1918 г.

Поручик Роджерс к № 4 18 августа 1918 г. г. Екатеринбург	Начальнику гарнизона г. Екатеринбурга
---	---------------------------------------

²⁴ Кручинин А. М. От Уральских гор до Щегловской тайги: краткая история 7-й Уральской дивизии горных стрелков (окончание) // Белая армия. Белое дело. 2003. № 12. С. 56.

²⁵ Кручинин А. М. Секретное поручение. С. 72.

Секретно

Отчет

об исполнении возложенного на меня секретного поручения,
связанного с командировкой в г. Пермь и обратно¹⁾

31-го июля с[его] г[ода] начальник гарнизона г. Екатеринбурга полковник Шереховский¹⁾ приказал мне отправиться в г. Пермь для исполнения секретного поручения.

Основной задачей, которая была мне словесно поставлена через штабс-капитана Белоцерковского^{II)}, являлось следующее:

1) Перейти фронт чешско-словацких и правительственных войск и проникнуть на территорию, занятую большевистскими отрядами.

2) Установить местонахождение эвакуированной большевиками из г. Екатеринбурга Академии Генерального штаба.

3) Если окажется, что Академия находится где-либо на путях, ведущих к г. Перми, или же в самой Перми, не дальше, — добраться до нее, установить связь с начальником ее полковником Андогским^{III)}, осведомить его о положении дел в Екатеринбурге и принять те его поручения, которые он найдет нужным дать.

4) Постараться, как только позволят обстоятельства, возвратиться в г. Екатеринбург. Если это окажется невозможным — ожидать в Перми (или где это окажется удобным) прихода наших войск.

Попутно мне была дана вторая, дополнительная задача: установить число и величину неприятельских эшелонов — людских, конских и др., транспортов и поездов с воинскими грузами, встречающихся на том пути, который будет мною пройден в поисках Академии Генерального штаба.

В выборе способов исполнения поручения и маршрута следования мне была предоставлена полная свобода, на том основании, что этот выбор окажется наилучшим тогда, когда будет диктоваться теми обстоятельствами, с²⁾ которыми мне предстояло столкнуться. Учесть заранее все обстоятельства и предвидеть обстановку, в которой я должен был очутиться, было невозможно. Разработанный заранее план мог лишь связать свободу моих действий и не облегчить, а, скорее, затруднить достижение поставленной мне задачи.

Мой первоначальный план состоял, приблизительно, в следующем:

Добравшись до линии фронта наших войск на новой Пермь-Екатеринбургской железной дороге, свернуть вправо или влево, обойти возможно глубже линию расположения большевистских отрядов и выйти у них в тылу вновь на железнодорожный путь. Далее проехать по железной дороге до Перми, разыскивая по дороге Академию Генерального штаба. Если окажется, что Академия

¹⁾ Шереховский Николай Вячеславович (1870–1920) — офицер русской армии. Родился 15 ноября 1870 г. в г. Санкт-Петербурге в дворянской семье. В 1890 г. окончил 2-е военное Константиновское училище, в 1895 г. — Николаевскую академию Генерального штаба. Служил в гвардейских полках. Участник Первой мировой войны. В 1916–1917 гг. — командир 425-го пехотного Каргопольского полка. Участник Гражданской войны на Востоке России. Член екатеринбургского антибольшевистского подполья. С 25 июля по 6 августа 1918 г. — начальник гарнизона Екатеринбурга. С 1 сентября по 30 ноября 1918 г. — инспектор добровольческих формирований Главного управления внутренних дел Временного Областного правительства Урала. Затем вернулся на военную службу и был назначен начальником мобилизационного отдела штаба Верховного главнокомандующего. 20 апреля 1919 г. произведен в генерал-майора. В январе 1920 г. взят красными в плен на ст. Ключевенная, этапирован в Екатеринбург в распоряжение Особого отдела 1-й армии труда и 28 апреля 1920 г. расстрелян.

^{II)} Белоцерковский Николай Ильич (1887–?) — офицер русской армии. Родился 4 ноября 1887 г. в г. Санкт-Петербурге в семье потомственного почетного гражданина. В 1909 г. окончил Киевское военное училище. Участник Первой мировой войны. Командир 9-й отдельной саперной роты 2-й Финляндской стрелковой дивизии. В январе 1917 г. окончил ускоренные курсы 1-й очереди Академии Генерального штаба. Осенью 1917 г. — начальник Контрразведывательного отделения штаба 42-го армейского корпуса. Участник Гражданской войны на Востоке России. С 27 июля 1918 г. — начальник Военного контроля при штабе начальника гарнизона Екатеринбурга (затем при Уполномоченном по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Пермской губернии, затем при Военно-Административном управлении района Сибирской армии). С 8 июля 1919 г. — начальник отдела контрразведки при Военно-Административном управлении Восточного фронта. С 1920 г. в эмиграции в Китае. Проживал в г. Харбине. В 1934–1935 гг. — начальник штаба Харбинского отдела РОВС. В 1945 г. арестован советскими органами госбезопасности и вывезен в СССР.

^{III)} Андогский Александр Иванович (1876–1931) — офицер русской армии. Родился 25 июля 1876 г. в дворянской семье. В 1898 г. окончил Санкт-Петербургский университет. В том же году поступил на военную службу. В 1905 г. окончил Академию Генерального штаба по 1-му разряду. Участник Русско-Японской войны. В 1911–1914 гг. — штатный преподаватель Академии Генерального штаба. Участник Первой мировой войны. В 1916–1917 гг. — командир 151-го пехотного Пятигорского полка. В 1917–1922 гг. — начальник Академии Генерального штаба. Участник Гражданской войны на Востоке России. Генерал-майор. С 1922 г. в эмиграции в Японии, затем в Китае. Скончался 25 февраля 1931 г. в Харбине.

застряла где-либо по горнозаводской железной дороге, — проехать и эту линию от Перми в обратном направлении.

Обход фронтовой полосы я предполагал совершить возможно глубже и скрытнее, чтобы избежать встреч с красноармейскими частями. Выйдя в тыл, я полагал двигаться дальше совершенно открыто под своим собственным именем, получая, где возможно, формальные пропуска от большевистских властей.

Мне казалось, что получить такие пропуска для меня будет не трудно, так как у меня имелись документы, вполне достаточные, чтобы большевики могли признать меня «своим». Документы эти были: паспорт^{IV}, выданный [Центральным] штабом резерва Красной армии гор. Екатеринбурга, и удостоверение^V в том, что я служу заведующим подотделом технической статистики при Областном правлении национальными предприятиями Урала (ныне, как и прежде, Уральское горное правление), подписанное областным комиссаром производства А. Кузьминым^{VI}. Хотя в указанном учреждении я и не пользовался репутацией большевика, но и не возбуждал противоположных подозрений. Чтобы объяснить свое появление во фронтовой полосе, я решил выдавать себя за бежавшего от чехословацких и белогвардейских преследований. Дальнейшее показало, что намеченный мною план вполне осуществим.

Относительно обратного пути от Перми до Екатеринбурга у меня не было никаких готовых предположений. Я всецело полагался на то, что будущее само подскажет мне наилучшие способы возвращения.

Чтобы обеспечить мне обратное возвращение и, главным образом, переход нашего фронта, начальник штаба гарнизона г. Екатеринбурга снабдил меня следующим удостоверением:

Начальник штаба гарнизона гор. Екатеринбурга Отдел генерал-квартирмейстера 1-го августа 1918 г. № 4 г. Екатеринбург	
Место печати	Удостоверение Предъявитель сего есть действительно поручик Александр Роджерс, командированный в гор. Пермь для установления связи с Академией Генерального штаба, что подписью и приложением печати удостоверяется. Начальник штаба подполковник Румша ^{VII} Вр. исп. об. генерал-квартирмейстера капитан Сумароков ^{VIII}

^{IV} См. приложение № 1 (Примечание А. А. Роджера).

^V См. приложение № 2 (Примечание А. А. Роджера).

^{VI} Кузьмин Александр Александрович (1876–1920) — советский государственный и партийный деятель. Член РСДРП с 1904 г. В 1918 г. — член исполкома Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов, областной комиссар производства, председатель Областного правления национальными предприятиями Урала, член Уральского областного комитета РКП(б).

^{VII} Румша Казимир (1886–1970) — офицер русской, затем польской армии. Окончил Виленское военное училище. Участник Первой мировой войны. В 1914 г. в чине поручика попал в плен в Восточной Пруссии, но в 1915 г. сумел бежать и вернулся в Россию, где продолжил службу в 23-м Низовском пехотном полку. В декабре 1917 г. вступил в ряды 1-го польского корпуса. После расформирования корпуса в первой половине 1918 г. — слушатель курсов 3-й очереди Академии Генерального штаба в Екатеринбурге, где организовал подпольную антибольшевистскую организацию. Во время наступления на город чехословаков и белых перешел на их сторону. С октября 1918 г. — командир 1-й стрелковой полка им. Т. Костюшко. В 1919–1920 гг. командовал 5-й польской стрелковой дивизией в Сибири, несшей караульную службу по охране Транссиба. В декабре 1919 г. подавил антиколчаковский мятеж 2-го Барабинского полка в Новониколаевске. Во время Сибирского Ледяного похода сумел избежать плена и пробился во главе небольшого отряда польских офицеров и солдат в Харбин, а затем во Владивосток, откуда отряд был эвакуирован в Польшу. Прибыв в Польшу в июне 1920 г., принял участие в Советско-Польской войне. С 1922 г. в резерве. В 1924–1926 гг. — командир бригады пограничной стражи, с 1928 г. вновь в резерве. С 1940 г. — в эмиграции в Великобритании. Занимал различные командные должности в вооруженных силах польского правительства в изгнании. В 1947 г. вышел в отставку. Умер в эмиграции в Лондоне.

^{VIII} Сумароков Евгений Николаевич (1892–?) — офицер русской армии. Родился 22 февраля 1892 г. в дворянской семье. В 1909 г. окончил Кишиневское реальное училище, в 1912 г. — Михайловское артиллерийское училище по 1-му разряду.

Чтобы облегчить мне проезд до линии нашего фронта и обратный переход этой линии, мне был дан следующий документ:

Всем начальникам чешско-словацких и правительственных войск, а также железнодорожному начальству вменяется в обязанность оказывать всяческое содействие предъявителю сего поручения Роджерс для доставления его на территорию, занятую большевиками в том направлении, в каком он пожелает.

Вр. исп. об. начальника штаба

Чешско-словацкого корпуса

полковник

Войцеховский³⁾

В штабе полковника Войцеховского капитан Рабковский в кратких словах ознакомил меня с расположением наших и большевистских войск по линии новой Пермь-Екатеринбургской ж[елезнодорожной] д[ороги] и Сибирскому тракту. По его совету я наметил себе следующий начальный маршрут:

1) От ст. «Екатеринбург 2» до ст. «Кузино» по Пермской ж[елезнодорожной] д[ороге].

2) От ст. «Кузино» до ст. «Дружинино»^{ix)} по Западно-Уральской ж[елезнодорожной] д[ороге].

3) От ст. «Дружинино» по Сибирскому тракту в направлении на Красноуфимск вслед за сотней 4-го казачьего Оренбургского Исетско-Ставропольского полка и башкирским партизанским отрядом штабс-капитана Заделава^{x)}. Эти части, по сведениям капитана Рабковского, находились в то время в районе села Ачит^{xi)}.

4) Далее с казачьей разведкой проникнуть по возможности глубже в расположение большевистских отрядов, а оттуда пробраться теми путями, какими окажется возможно и удобнее, вновь к линии Пермь-Екатеринбургской ж[елезнодорожной] д[ороги], чтобы выйти на нее где-либо между станциями «Кунгур» и «Шамары».

Как видно из дальнейшего, от этого маршрута пришлось впоследствии уклониться.

1-го августа около 12 часов дня я отправился в путь с эшелоном 3-го чешского полка, уходящего на фронт на ст. «Сабик».

Через 6 часов прибыл на ст. «Кузино», откуда должен был следовать к югу на ст. «Дружинино». Явившись к коменданту узла — чешскому офицеру прапорщику Сикоре^{xii)}, я представил ему документы, удостоверяющие мою личность и важность возложенного на меня поручения. Кроме того, узнав, что на путях станции стоит штаб 4-го казачьего Оренбургского полка, я отправился к командиру его, войсковому старшине Овчинникову^{xiii)}. Он подтвердил мне, что сотня его полка

Участник Первой мировой войны. Служил в лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригаде. На 1916 г. — штабс-капитан. В первой половине 1918 г. — слушатель курсов 3-й очереди Николаевской академии Генерального штаба. Участник Гражданской войны на Востоке России. Осенью 1918 г. — в штабе 3-го Уральского корпуса. В 1919 г. — старший адъютант штаба Западной армии, затем — и. д. начальника штаба 12-й Сибирской стрелковой дивизии, затем — старший адъютант оперативной части штаба 2-й армии. Участник Сибирского Ледяного похода. С 1920 г. — в эмиграции в Китае.

^{ix)} Дружинино — в 1918 г. станция Западно-Уральской железной дороги. Ныне — станция Свердловской железной дороги.

^{x)} Заделава Шалва Нестерович (?–?) — офицер русской армии. Участник Первой мировой войны. Штабс-капитан. Осенью 1917 г. — командующий 1-й ротой 71-го пехотного Белевского полка. Участник Гражданской войны на Востоке России. В июне 1918 г. поступил добровольцем в Офицерскую кадровую роту в г. Челябинске. 13 июня 1918 г. командирован во главе летучего офицерского отряда в с. Бродокалмак, где отряд пополнился местными жителями. 1 июля 1918 г. Бродокалмацкий отряд Заделава, выросший в численности до 400 человек, вошел в состав Сводного Султаевского отряда, которым командовал подполковник И. И. Штин. В тот же день приказом по отряду за № 6 Заделава был назначен начальником штаба Сводного Султаевского отряда и оставался в этой должности до 31 июля 1918 г., когда Султаевский отряд был расформирован. В августе 1918 г. Заделава — командир Сводного Красноуфимского отряда. В исторической литературе ошибочно упоминается как «штабс-капитан Заделов».

^{xi)} Ачит — в 1918 г. село Красноуфимского уезда Пермской губернии. Ныне — поселок городского типа, административный центр одноименного района Свердловской области.

^{xii)} Предположительно, имеется в виду Сикора Фердинанд (1889–1961) — чешский офицер. Родился 29 июня 1889 г. в г. Жлутова. Работал штукатуром. Участник Первой мировой войны. Служил в 3-м пехотном полку австро-венгерской армии. 13 сентября 1915 г. взят в плен русскими войсками у г. Ровно. 12 июля 1917 г. вступил в Чехословацкий легион в г. Конотоп Черниговской губ. Участник Гражданской войны на Востоке России. Служил в 6-м стрелковом Ганацком полку. На 1920 г. — подпоручик. В феврале 1920 г. вернулся в Чехословакию. Скончался 12 апреля 1961 г.

^{xiii)} Овчинников Петр Леонтьевич (1885–1920) — офицер русской армии. Родился 16 января 1885 г. в станице Буранной в семье офицера Оренбургского казачьего войска. В 1904 г. окончил Николаевское кавалерийское училище по 1-му разряду. Участник Первой мировой войны. С 21 декабря 1915 г. — командир 3-й сотни 12-го Оренбургского

действительно находится в районе села Ачит, и нашел вполне возможным мой план проникнуть на большевистскую территорию с разъездами этой сотни. Для облегчения этой задачи им дан был мне следующий документ:

Командир 4-го Оренбургского казачьего Исетско-Ставропольского полка августа 1-го дня 1918 г. № 1247 ст. Кузино	Командиру 3-й сотни подъесаулу Барабанову^{xiv}
Место печати	Предлагаю Вам оказать полное содействие поручику Роджерс для более продуктивного выполнения возложенной на него задачи. Командир полка войсковой старшина Овчинников За полкового адъютанта (подпись)

На станции «Кузино» мне встретилось препятствие, едва не задержавшее моего дальнейшего следования.

Возникли ли у коменданта станции прапорщика Сикоры сомнения в подлинности моих документов, или сам я вызвал у него какие-либо подозрения — не знаю. Но прапорщик Сикора колебался отправить меня дальше, прежде чем не снесется по телеграфу со штабом полковника Войцеховского и не удостоверится в действительности возложенного на меня поручения. Такие же подозрения возникли у командира 4-го казачьего полка. Телеграфный запрос был отправлен. Однако мне удалось убедить прапорщика Сикору отправить меня дальше, не ожидая ответа на этот запрос. Таким образом, подтверждение из Екатеринбурга подлинности моих документов было получено прапорщиком Сикорой уже после моего отъезда со ст. «Кузино».

Около 11 часов ночи я с поездом отправился на ст. «Дружинино», куда прибыл около 1 часу утра 2-го августа.

В коменданте ст. «Дружинино» штабс-капитане Яхонтове я нашел своего товарища и однополчанина. Им сейчас же было отдано распоряжение нарядить мне подводу в ближайшем селении Гробово^{xv}, отстоящем от станции в 3-х верстах. Через несколько часов подвода была наряжена, и на рассвете я направился по Сибирскому тракту в Бисертский завод.

На 30 верст до завода по размытой дождями дороге пришлось потратить больше 5-ти часов. В завод приехал уже поздним утром, часов около 10-ти.

В Бисертском заводе я оставался несколько часов и за это время получил от заводского коменданта военного чиновника Огожина ряд новых сведений, заставивших меня уклониться от намеченного ранее маршрута Бисерть — Ачит.

К северо-западу от завода начиналась уже нейтральная зона. Наши войска занимали в то время станцию «Сабик», красноармейские части — станцию «Саргу», а их передовые отряды — разъезд № 66.

казачьего полка. 11 февраля 1916 г. произведен в есаула (со ст. с 10 августа 1915 г.). За конную атаку 4 июня 1916 г. у д. Трыстен награжден Георгиевским оружием. Участник Гражданской войны на Востоке России. Войсковой старшина. С 3 июля 1918 г. по 7 июля 1919 г. — командир 4-го Исетско-Ставропольского казачьего полка (с 17 сентября 1918 г. полк переименован в 12-й Оренбургский казачий полк). Участник Сибирского Ледяного похода. Скончался от отека легких 6 июля 1920 г. в Забайкалье, похоронен в Чите.

^{xiv} Барабанов Леонтий Евстигнеевич (1895–?) — офицер русской армии. Родился 10 февраля 1895 г. в станице Расыпной в семье казака Оренбургского казачьего войска. В 1914 г. окончил Оренбургское казачье училище по 1-му разряду. Участник Первой мировой войны. С 12 мая 1915 г. — полковой адъютант 12-го Оренбургского казачьего полка. 29 сентября 1917 г. произведен в подъесаула (со ст. с 1 мая 1917 г.). Участник Гражданской войны на Востоке России. С 3 июня 1918 г. — командир 3-й сотни 4-го Исетско-Ставропольского казачьего полка (с 17 сентября 1918 г. полк переименован в 12-й Оренбургский казачий полк). Участник Сибирского Ледяного похода. В эмиграции в Китае.

^{xv} Гробово — в 1918 г. село Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Ныне — село Первомайское Нижнесергинского района Свердловской области.

К югу от ст. «Сарги» красноармейцев не было и лишь время от времени показывались их небольшие разведки, не более 30-ти человек конных. Разъезды эти далеко вглубь не проникали, но, случалось, доходили и до деревень Кувары^{xvi} и Вороновки^{xvii}. В эти же деревни заглядывали и наши разведчики. Таким образом, путь через эти деревни оказывался вполне возможным.

Как раз во время моего пребывания в штабе коменданта Бисертского завода туда были приведены задержанные в соседних деревнях военнопленные и несколько человек железнодорожных кондукторов. Допрос их происходил при мне. Оказалось, что все они пробирались лесными тропами и дорогами от станций «Шамары» и «Шалья» (занятых большевиками) через Бисертский завод в Екатеринбург и далее в Сибирь. По их словам, большевистская разведка попадалась им по дороге очень редко, так как красноармейцы избегали удаляться от линии железной дороги. Места, через которые им пришлось проходить, заселены слабо, деревни редки и кроме случайных разведывательных разъездов и отдельных групп красноармейцев, приезжающих в деревни за хлебом, красных там нет.

Показания задержанных подали мне мысль изменить свой маршрут и сократить обход фронта, отправившись от Бисертского завода не по Сибирскому тракту, а прямо на северо-восток, ближе к железнодорожной линии. Заводский лесничий ознакомил меня с подробной картой заводской дачи и дал некоторые указания относительно дальнейшего направления.

В заводе мне пришлось оставить свое офицерское платье и переодеться от белья до фуражки под мелкого мастерового.

Вечером 2-го августа верхом с 2-мя провожатыми отправился в д. Старо-Бухарово^{xviii} в 12-ти верстах от завода. Здесь пришлось заночевать, так как проводники не знали дороги дальше.

В д. Старо-Бухарово я нашел бывшего лесного сторожа, хорошо знавшего все местные дороги и тропы, и рано утром отправился с ним верхами дальше. Проехал еще верст 25 через заводские углевыжигательные печи до деревни Вороновки. По дороге встретил 3-х военнопленных, пробиравшихся из Перми в Екатеринбург. Их рассказы подтвердили все, что показывали задержанные в Бисертском заводе.

В д. Вороновке пришлось вновь сменить проводника. Один из крестьян, охотник, хорошо знавший все окрестности, взялся провести меня пешими тропами в деревню Кувару. В Вороновку, по рассказам крестьян, красноармейцы приезжали довольно часто за хлебом. Поэтому, не желая встречаться с ними раньше времени, я и выбрал путь не по тележной дороге, а пешей тропой. Через три часа ходьбы мы были уже в д. Куваре.

В Кувару уже, по рассказам жителей, большевистские разъезды наезжали довольно регулярно. Обычно они приезжали туда поздно утром, между 8–11 часами, и днем уезжали обратно. Часть их являлась со станции «Шали», часть — со станции «Сарги». Разъезды невелики, человек по 15–25, большей частью в полном вооружении и снаряжении. Но иногда красноармейцы приезжали переодетыми в крестьянское платье, без винтовок и шашек, но все с ручными гранатами. В деревню въезжают не все, а оставляют посты по несколько человек по ведущим в селение дорогам. Забирают хлеб, молоко, яйца, овец, иногда и что-нибудь из домашнего скарба. Платят за забранное редко. При их появлении мужики уходят в лес, и дома остаются бабы, старики и дети. В лесу же прячут крестьяне хлеб и что поценнее из имущества.

Эти показания являются чрезвычайно характерными для всей полунейтральной полосы, не занятой непосредственно большевистскими частями, но посещаемой их разведками. Во многих деревнях этой полосы мне приходилось⁴⁾ слышать почти то же самое. Красноармейские разведывательные отряды почти всегда являются в деревни в одно и то же время, преимущественно

^{xvi} Предположительно, имеется в виду Обожин Анатолий Емельянович (1872–?) — российский чиновник. Родился 17 июня 1872 г. в пос. Бисертский завод Красноуфимского уезда Пермской губ. Окончил 4 класса Красноуфимского промышленного училища. В 1915–1916 гг. — секретарь Красноуфимского уездного съезда земских начальников. В 1916–1917 гг. — кандидат на должность земского начальника 8-го участка Осинского уезда Пермской губ. После Февральской революции 1917 г. уволен.

^{xvii} Вороновка — ныне не существует. На современных картах обозначена как урочище Вороновка Шалинского района Свердловской области.

^{xviii} Старо-Бухарово (Старо-Верх-Бисертская) — в 1918 г. деревня Бисертской волости Красноуфимского уезда Пермской губернии. Ныне — село Старобухарово Нижнесергинского района Свердловской области.

поздним утром и «обедом», и, пробыв несколько часов, отправляются обратно. Мне не приходилось слышать, чтобы разведчики встречались поздно вечером или ночью. Переодевание в крестьянское платье ими практикуется довольно часто. В деревни разъезды никогда не входят целиком, оставляя вблизи несколько небольших постов. Мужское население прячется от них по лесам; случается, что целые семьи неделями живут на дальних полях и покосах. Там же прячут хлеб, порой и сундуки.

В деревне Куваре опять сменил проводника и поздно вечером отправился верхом в деревню Никитино^{хх}, верст за 25.

Добраться к ночи до Никитино не удалось. Пришлось заночевать в лесу и на рассвете отправиться дальше.

До Никитино не доехал версты 2. Крестьянин, провожавший меня, отказался ехать дальше, боясь встречи с красноармейцами.

Я отправился дальше пешком. В д. Никитино я не хотел заходить и решил обойти ее лесом, стороной. К этому времени совсем рассвело. Так как, по рассказам куварских крестьян, как раз в это время проходила обычно разведка со станции «Шалья», то я решил обождать несколько часов в лесу. Разведка в 18 человек, действительно, прошла по дороге около 7-ми часов утра.

До станции «Шалья» мне оставалось пройти версты 4. По рассказам я знал, что там стоит около 600 матросов и отряд анархистов^{хх}. Встреча с ними мне совсем не улыбалась, и я, снова изменив свой маршрут, отправился лесом ближе к фронту на станцию «Саргу», где, как мне говорили, были только безобидные красноармейские части^{хх}. Таким образом, сделал еще крюк верст в 25–30.

Шел я, не скрываясь, по тележной дороге, так как решил, что теперь пора уже «открыться» красноармейцам под видом бежавшего из Екатеринбурга их единомышленника.

Не доходя какой-нибудь версты до станции «Сарги», встретил 4-х человек; это, должно быть, были красноармейцы, так как они были в солдатской одежде и имели подсумки; но оружия у них не было.

Мои документы показались им, очевидно, подозрительными, так как они повели меня к начальнику железнодорожного отряда. Последний обошелся со мной даже с некоторой любезностью. Просмотрел мои документы, порасспросил меня о екатеринбургских событиях, но пропуска в Пермь не дал, а задержал меня в своем вагоне. Там я провел 1 ½ суток.

4-го августа с уходящим в Пермь составом я был отправлен на станцию «Шалья». Мой провожатый-красноармеец препроводил меня в станционный железнодорожный комитет. Там мне опять пришлось повторить свою историю о том, как мне удалось скрыться из Екатеринбурга. Рассказу моему поверили сразу и дали удостоверение на проезд до г. Перми. С тем же составом я отправился дальше.

Утром 5-го августа слез на станции «Кунгур», решив остаться там некоторое время. Знакомых в городе у меня не было, в общественных местах⁵⁾ и правительственных учреждениях мне мешала появляться моя одежда. Поэтому мне пришлось ограничиться тем, что я видел на улицах, базарах, железнодорожных путях и станции и слышал из случайных разговоров. Собранные в Кунгуре таким путем сведения сводятся к следующему:

На станционных путях стояло 7 эшелонов вооруженных людей. 2 из них были мадьярские, причем в одном из последних на открытой платформе погружены 7 пулеметов «Максима». В каждый из 7-ми эшелонов входили платформы с повозками; в некоторых были и конские вагоны. Эшелоны большие, особенно мадьярские, но числа вагонов теперь не помню, так как те сведения, которые я записывал, по необходимости были очень кратки. Мадьяры вооружены очень хорошо, отлично

^{хх} Никитина — в 1918 г. выселок Сылвинской волости Красноуфимского уезда Пермской губернии. Ныне деревня Никитинка Шалинского района Свердловской области.

^{хх} По сведениям историка А. М. Кручинина, на ст. Шалья в это время стояли две роты 1-го экспедиционного отряда матросов Балтийского флота и Надеждинский партизанский отряд анархистов (Кручинин А. М. Секретное поручение. С. 73).

^{хх} По сведениям историка А. М. Кручинина, на ст. Сарга в это время находились 1-й образцовый батальон Уральского обкома РКП(б), 1-й батальон 7-го Уральского пехотного полка и Петроградский продовольственный отряд (Кручинин А. М. Секретное поручение. С. 73).

обмундированы, видимо, дисциплинированы и, вообще, резко отличаются от красноармейских частей русского состава. Общее количество людей во всех эшелонах принимаю около 4 500 человек, считая число теплушек в эшелоне, в среднем в 35, со средним числом людей в каждой в 18–20 человек, не более, так как люди размещены, видимо, свободно.

На путях же стояли погруженными на платформу 1 броневая машина и 2 легких⁶¹.

Там же стояло 2 эшелона с лошадьми, каждый длиной вагонов в 40, причем сюда входило по 1 классному вагону и 2 вагонам-теплушкам с прислугой. Этих эшелонов я сам не видел и сведения о них имею с чужих слов. Считая, что в каждом из 2-х вагонов-теплушек помещалось человек по 20 прислуги и по 1–2 дневальных в конском вагоне, все число прислуги в каждом эшелоне принимаю в 100 человек; лошадей, считая по 8 в вагоне, — около 300.

На платформах стояли груженные 4 легких орудия.

Из случайных разговоров слышал, что в городе имеются 3 броневых машины; называли и их названия, но привести их теперь затрудняюсь. 2 из них будто бы отправлены в южную часть Кунгурского уезда для подавления крестьянских волнений.

На улицах попадает много «красных гусар», говорят, их в городе 2 эскадрона^{xxii}. Я думаю, что это те самые части, которые одно время стояли в Екатеринбурге.

Есть караульная рота (может быть, она называется иначе; я называю ее так потому, что численность ее, как мне говорили, как раз соответствует роте — 100–110 человек, несущих караульную службу). Есть конная часть; численность ее указывают в 300 человек.

Некоторая часть войск, как мне приходилось видеть, размещена по обывательским квартирам небольшими группами по несколько человек.

В обычном советском масштабе практикуются аресты и расстрелы. Указывают и место, где последние производятся, — небольшой лесок у самого вокзала.

В 11 южных кунгурских волостях идут волнения в деревнях, связанные с производящейся там насильственной мобилизацией. Для подавления волнений туда отправлены красноармейские части. Мобилизация даст, вероятно, хорошие количественные результаты, так как⁷¹ репрессивные меры, применяемые к уклоняющимся, чрезвычайно жестоки: пойманные уклоняющиеся расстреливаются, взамен скрывшихся наказываются их семьи.

Из всего виденного и слышанного в Кунгуре я вынес впечатление, что город является основной операционной базой большевистских отрядов, действующих в 2-х направлениях: по линии Пермь-Екатеринбургской железной дороги и по Сибирскому тракту. По сравнению с Пермью, где наблюдается некоторое тыловое затишье, Кунгур очень оживлен. В момент, когда я проезжал вперед, говорили, что к Кунгуру отправляется часть накопленных у Красноуфимска сил. Ко времени моего обратного пути через Кунгур наблюдался, наоборот, отлив частей в юго-восточном направлении (и южном) на линию Сибирского тракта. Это подтвердилось появлением красных сил у Бисертского завода.

Удостоверение на проезд, выданное мне железнодорожным комитетом в «Шале», потеряло свою силу после моей остановки в Кунгуре. Но на основании его мне легко было получить дальнейший пропуск у комиссара транспорта, тут же, на вокзале. Днем 6-го августа я был уже в Перми.

В Перми, прежде всего, постарался достать себе более приличное платье, т. к. явился в город буквально без сапог. Здесь также, конечно, не имело смысла скрываться, и я, выхлопотав себе разрешение, устроился вполне легально в «Советской» гостинице (бывшие «Королевские» номера).

Ближайшим делом моим в Перми было отыскать следы Академии Генерального штаба. В штабе округа, куда я явился, мне указали, что Академия, как только она прибыла в Пермь, была отправлена на пароходе «Руси» дальше в Казань (28-го июля); с нею вместе выехал и полковник Андогский, к которому я должен был явиться.

Так как мне было определено приказано — в том случае, если Академия уехала дальше Перми, возвращаться обратно в Екатеринбург или, если это окажется невозможным, ждать в Перми

^{xxii} По сведениям историка А. М. Кручинина, 5 августа 1918 г. в г. Кунгур прибыл Нарвский отряд красных гусар в составе 315 человек при 5 пулеметах (Кручинин А. М. Секретное поручение. С. 73).

(или другом месте по моему усмотрению) прихода наших войск, — то я счел свою задачу оконченной и начал обдумывать план своего возвращения.

За время, которое я пробыл в Перми, я побывал у некоторых моих знакомых, обошел оба железнодорожных вокзала, рынки и пристани, ездил в Мотовилихинский завод, был в некоторых большевистских учреждениях, заговаривал, где только можно, на интересующие меня темы и в результате собрал следующие сведения:

Город переполнен через край эвакуированными из разных занятых нами мест учреждениями. Учреждения эти размещаются не только по городским и «национализированным» и «реквизированным» частным зданиям, но и на железнодорожных путях станций «Пермь I» и «Пермь II», в отдельных вагонах и небольших частях от целых поездных составов. Часть эвакуированных учреждений размещается в заводских зданиях Мотовилихинского завода. Несколько пароходов⁸⁾, стоящих у пристаней, также заняты эвакуированными советскими учреждениями, причем тут же по каютам размещается и их⁹⁾ персональный состав — служащие во главе с заведующими и комиссарами. На визитных карточках, прикрепленных к дверям пароходных кают, я нашел много имен, хорошо знакомых Екатеринбург. Много старых имен я нашел и в местной советской газете. За исключением Голощекина^{xxiii}, подписывающегося уже как «председатель Областного Совета», все остальные комиссары и советские работники, которых я встречал и о которых слышал, — Кузьмин, Войков^{xxiv}, Сафаров^{xxv}, Преображенский^{xxvi}, Берзин^{xxvii} и многие другие — занимают прежние посты.

Состав работников в советских учреждениях (я говорю о рядовых служащих, а не об ответственных¹⁰⁾ руководителях) я бы разбил на 2 категории. [А] именно: эвакуированные из Екатеринбурга учреждения обслуживаются небольшой группой «отборных» работников, так как при эвакуации большевики брали с собой лишь тех, на кого они могли вполне положиться, как на людей, определенно стоящих на «советской платформе». Таковы, например, областные комиссариаты производства, снабжения, труда и почти все остальные областные гражданские учреждения. Местные пермские комиссариаты и военные учреждения обслуживаются самым разнообразным элементом — от «убежденных» советских работников до интеллигенции, идущей служить из-за куска хлеба. О симпатиях последней нечего и говорить. Получается такая же картина, которая наблюдалась и в Екатеринбурге, где¹¹⁾ к последним дням большевизма большинство советских учреждений оказалось переполнено работниками, отношение которых к большевистской власти было вполне определенным — [а] именно почти открыто враждебным.

Судя по тону газетных статей и сообщений и по моим личным впечатлениям, настроение большевистских правящих кругов в Перми довольно бодрое, более бодрое, чем это оправдывалось бы

^{xxiii} Голощекин Исай Исаевич (1876–1941) — советский государственный и партийный деятель. В 1918 г. — член президиума Уральского областного Совета рабочих, солдатских и армейских депутатов, член Уральского областного комитета РКП(б).

^{xxiv} Войков Петр Лазаревич (1888–1927) — советский государственный и партийный деятель. В 1918 г. — член исполкома Уральского областного Совета рабочих, солдатских и армейских депутатов, областной комиссар снабжения, член Уральского областного комитета РКП(б).

^{xxv} Сафаров Георгий Иванович (1891–1942) — советский государственный и партийный деятель. Член РСДРП с 1908 г. В 1918 г. — член президиума Уральского областного Совета рабочих, солдатских и армейских депутатов, товарищ (заместитель) областного комиссара труда, товарищ (заместитель) председателя президиума Уральского областного комитета РКП(б), член Екатеринбургского городского комитета РКП(б), член редколлегии газеты «Уральский рабочий».

^{xxvi} Преображенский Евгений Алексеевич (1886–1937) — советский государственный и партийный деятель. Член РСДРП с 1903 г. В 1918 г. — председатель президиума Уральского областного комитета РКП(б), член редколлегии газеты «Уральский рабочий».

^{xxvii} Берзин Рейнгольд Иосифович (1888–1938) — советский военный деятель. Из семьи батраков. Член РСДРП с 1905 г. Участник Первой мировой войны. Поручик. В 1917 г. — председатель корпусного комитета 40-го корпуса, член исполкома и Военно-революционного комитета 2-й армии Западного фронта. В июне — ноябре 1918 г. командовал войсками Северо-Урало-Сибирского фронта, затем реорганизованными в 3-ю армию Восточного фронта. С декабря 1918 г. по июнь 1919 г. — инспектор армии Латвийской советской республики. В 1919–1924 гг. — член Реввоенсовета ряда фронтов и военных округов. В 1924 г. ушел в отставку с военной службы. На административно-хозяйственной работе в наркомате земледелия. 10 декабря 1937 г. арестован, 19 марта 1938 г. — расстрелян в Москве. В 1955 г. реабилитирован.

политической и военной обстановкой. Видна прежняя политика большевиков стараться держать общество в уверенности, что положение советской власти, несмотря на происки контрреволюционных и буржуазных кругов, по-прежнему прочно и незыблемо. Ежедневно в газете появляются статьи, рассчитанные на то, чтобы подогреть настроение широких обывательских масс. Многие из таких статей принадлежат перу Преображенского, известного в роли газетного советского витии еще по Екатеринбург.

Широкая публика чрезвычайно плохо осведомлена о ходе политических и военных событий. Те сведения, которые даются ей газетными сообщениями, представляются в своеобразном большевистском освещении. Циркулирующие же по городу слухи порой так разноречивы, сумбурны и чудовищно неправдоподобны, что не прибавляют ничего положительного к осведомленности обывательских масс.

Так, широкая публика почти¹²⁾ ничего не знает о политических событиях последних дней в местностях, занятых нашими войсками, — о восстановлении законности и порядка, о налаживающейся работе прежних, дооктябрьских правительственных, судебных, муниципальных и земских учреждений, о формировании на местах новой гражданской власти и т. д. Военно-оперативные сводки настолько скудны, односторонни и запоздалы, что тоже не посвящают обывателя в истинное положение дел на фронтах. О настроениях общества и населения в занятых правительственными частями местностях, об их отношении к происходящим событиям в Перми общественные массы тоже знают очень мало.

Осведомленность же руководящих советских кругов о политической и военной обстановке, видимо, довольно значительна. Насколько я мог заключить из разговоров с некоторыми работающими в советских учреждениях лицами, работы [белых] военных учреждений г. Екатеринбурга в Перми небезызвестны. При штабе округа организован отдел контрразведки, разделяющийся на 2 секции: военную и политическую. Судя по числу занятых там работников, деятельность отдела довольно интенсивна.

Политика массового террора, хорошо знакомая Екатеринбург, применяется советской властью в Перми с обычным для нее размахом. Массовые аресты, частые расстрелы, усиленная работа комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, полное¹³⁾ изгнание всех гражданских и политических свобод, обложение буржуазии, формирование из нее рабочих отрядов для земляных работ на фронте и пр. — одним словом, детальное повторение той системы, которую осуществляли большевики в Екатеринбурге до 25 июля.

Дело снабжения обстоит, видимо, чрезвычайно неудовлетворительно. Вольная продажа совершенно убита запретительными распоряжениями местных властей. В здании городской комендатуры мне приходилось видеть, как приводили целые толпы, человек по 30, арестованных на базарах за недозволенную покупку и продажу самых разнообразных предметов. Вещи отбирались, а виновных тут же отводили в заключение.

Благодаря таким мерам в городе почти невозможно достать самые необходимые предметы. С огромным трудом мне удавалось доставать хлеб, преимущественно у красноармейцев. За кусок около 3-х фунтов я заплатил 12 рублей. В гостиницах — даже «Советской» — нельзя получить ни ломтика хлеба. Табак и махорка тоже почти совершенно исчезли. За одну восьмушку махорки, купленную на улице, я заплатил 10, за другую — 12 рублей.

Настроение широких общественных масс подавленное. Прихода наших войск ждут с таким же нетерпением, как Екатеринбург ждал прихода чехословаков.

На железнодорожных путях станции «Пермь I» мне пришлось видеть следующие воинские составы:

3 железнодорожных отряда, каждый равный эшелону вагонов в 30–35. Эшелоны эти, видимо, недавно сформированы; состав их — русские красноармейцы.

Кроме того, 2 железнодорожных отряда (эшелона) были отправлены 7-го августа на фронт к станции «Шамары».

На путях же стоит погруженная на платформу 1 броневая машина и 1 очень длинный эшелон [не] вооруженных людей; люди эти также не были обмундированы. Назначение этого эшелона — были ли то насильственно мобилизованные, или рабочие, или вспомогательный отряд — мне установить не удалось.

На железнодорожных путях станции «Пермь II» — следующие части:

1 рабочий экспедиционный отряд плохо вооруженных разнокалиберными винтовками людей, размещенных в 20-ти вагонах. Отряд этот, как мне говорили, совершил уже одну экспедицию за хлебом в Красноуфимский и Кунгурский уезды.

3 санитарных поезда, из которых 1 ушел 4-го или 5-го августа в Вятском направлении.

1 железнодорожный отряд, размещенный в эшелоне в 15–20 вагонов.

2 мадьярских роты, размещенные в очень длинном эшелоне, в состав которого входило и 12 вагонов с лошадьми. Большое количество лошадей указывает, что их назначение — обслуживать не только кухни и обозы. Вернее всего, что при этом мадьярском эшелоне пехоты существует и конный отряд.

1 аэроплан, груженный на платформах в разобранном виде, вследствие чего я не сумел определить его системы.

Численности войск, расквартированных в самом городе, определить не удалось. Но на улице и на вокзале встречал очень много мадьяр и немцев, отлично вооруженных и обмундированных. Вообще, число красноармейцев нерусского происхождения сразу бросается в глаза. Для несения караульной службы привлечены даже корейцы.

В день моего отъезда из Перми, 9-го августа, из «Перми I» на «Пермь II» ушел бронированный поезд в составе одного паровоза и 2-х вагонов. В каждом из вагонов находилось по 8 пулеметов в гнездах, расположение которых показано ниже на схеме (рис. 4), и по одному гнезду сзади, очевидно, для орудия. Самых орудий я не видел. Состав прислуги на поезде — русские красноармейцы. Судя по тому, как поездная прислуга прощалась с провожающими, — поезд отправлялся на фронт. Однако, уехав в тот же день по направлению фронта, я видел, что поезд остался на станции «Пермь II».

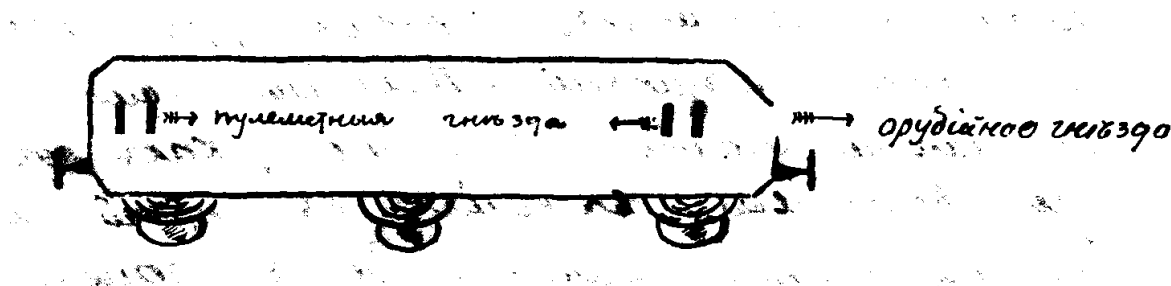

Рис. 4. Схема расположения пулеметных и орудийного гнезд на блиндированном вагоне (профиль)

Fig. 4. Layout of machine gun and cannon nests on an armored carriage (profile)

Источник: РГВА. Ф. 39797. Оп. 1. Д. 4. Л. 30

По рассказам некоторых лиц, в городе (вернее, его окрестностях) расположены несколько орудий на приготовленных и оборудованных площадках, а именно:

К западу от пересечения линии новой Пермь-Екатеринбургской ж[елезной] д[ороги] с Сибирским трактом стоят 2 трехдюймовых орудия.

На так называемых «Горках», между Пермью и Мотовилихинским заводом, приблизительно на линии границы городской и казенной дач, стоят еще 2 сорокадвухлинейных орудия.

На возвышенности к с[еверо]-в[остоку] от них — еще одно такое же орудие.

Сообщение между Пермью и другими местностями представлялось, в момент моего пребывания там, в следующем виде:

По линии новой Пермь-Екатеринбургской ж[елезной] д[ороги] пассажирское движение совершалось одним дачным поездом в сутки до станции «Кукуштан» (в 50 верстах от Перми).

По Горнозаводской линии — до станции «Ляды» (верстах в 40 от города), тоже один раз в сутки.

И на тот, и на другой поезд посадка пассажиров производилась исключительно по пропускам комендантов города и станции, а также особого учреждения, названия которого не помню, помещающегося в доме б[ывшей] канцелярии губернатора, угол Сибирской и Вознесенской ул[иц].

Вниз по Каме пароходы с 5-го августа принимали пассажиров только до города Осы.

Что касается до железнодорожных направлений к западу от Перми, то, по наведенным мною справкам, движение по ним совершается так:

Билеты по пропускам продаются до ст[анций] «Москва» и «Петроград». Ежедневно ночью отходит в этом направлении поезд № 3. Я нарочно обратил на эти сведения особенное внимание и проверил их через справочное бюро на станции «Пермь II», так как в Екатеринбурге, когда я оттуда уехал, ходили слухи, что Вологда занята союзными войсками и, следовательно, путь на Петроград через нее закрыт. Возможно, впрочем, что поезда на Петроград идут круглым путем — не через Вологду, а через Вятку — Туфаново — Ярославль — Москву — Петроград. Возможно также, что билеты на Петроград продаются, но поезда не доходят до места назначения. Получить более подробные сведения мне не удалось, и я не знаю, как согласовать эти противоречивые сведения: с одной стороны, циркулирующие у нас слухи, что Вологду заняли союзники, с другой — справки станционного справочного бюро, согласно которым путь на Петроград продолжает оставаться свободным.

Приведенными выше сведениями я решил ограничиться, так как после того, как я узнал, что Академия Генерального штаба эвакуирована в Казань, дальнейшее мое пребывание в Перми становилось излишним и не требовалось возложенным на меня поручением.

Обратный путь в Екатеринбург представлялся мне более сложным и трудным, чем следование до Перми. Желая избежать лишней потери времени, я хотел постараться как можно глубже к нашему фронту проехать по железной дороге.

Пропуск на проезд, как мне сначала казалось, получить было нелегко. За станцию «Кукуштан» в направлении на Екатеринбург двигались только воинские поезда, куда частные пассажиры не допускались. Счастливая случайность помогла мне преодолеть это затруднение.

В момент, когда я был в здании комендатуры города, мне пришла в голову мысль попытаться получить пропуск на основании удостоверения, выданного мне из Областного правления национальными предприятиями Урала (см. приложение № 2). Хотя в этом удостоверении ни слова не говорилось о праве моего проезда на фронт, но мне казалось, что комендант (или тот, кто его заменял, — казак, видимо, совершенно не интеллигентный) едва ли разберется в истинном содержании документа. Мои предположения оправдались. Взглянув на штамп «Российская Федеративная Советская и пр.» и на соответствующую печать, комендант счел предъявленный ему документ достаточным и тут же отдал приказание выдать мне удостоверение на право проезда на фронт следующего содержания (подлинный см. на обороте приложения № 2):

Место печати	Проезд до ст. «Шалая» коменд[антское] управление разрешает, а также и обратно. Помощник коменданта гор. Перми Позняков 7/8
--------------	---

Как на курьез укажу, что, выдавая мне этот пропуск, комендант, очевидно, «не обратил внимания» (или, может быть, не знал), что станция «Шалая» в это время (7-го августа) оказалась уже занятой нашими войсками.

Правда, для того, чтобы получить этот пропуск, мне пришлось рассказать коменданту вымышленную историю: что я служу, как это видно из предъявленного ему документа, заведующим отделом технической статистики ОПНПУ; что наше учреждение эвакуировано из Екатеринбурга 24-го июля; что часть наших эвакуированных вагонов застряла по пути, должно быть, на ст. «Шалая», и мне необходимо съездить их разыскать и т. д. Рассказ мой, очевидно, не вызвал у коменданта никаких сомнений, т. к. он не нашел нужным проверить его достоверность.

На станции «Пермь II» мне пришлось исхлопотать еще один пропуск от местного (станционного) комитета. Получить его было уже не трудно — стоило только повторить историю о розыске застрявших вагонов и предъявить полученный ранее пропуск от городского коменданта. Таким образом, от коллегии комендантского управления станции «Пермь II» мне удалось получить следующее удостоверение (см. приложение № 3):

Место печати	Разрешается проезд на воинском поезде до ст. «Шаля» и обратно тов. Александру Роджерс. Член коллегии комендантского управления ст. Пермь 2-я (подпись)
--------------	--

Пользуясь этим разрешением, я сел на первый отходивший на фронт (к станции «Шамары») большевистский эшелон и к вечеру 10-го августа с некоторым даже комфортом добрался до разъезда № 61 в 12-ти верстах, не доезжая до ст. «Шамары».

Расположение фронтов наших и большевистских войск к моменту моего приезда на разъезд № 61 было таково:

Большевистские передовые эшелоны стояли на ст. «Вогулка»; в этом же пункте были нарыты окопы, не занимаемые, однако, красноармейцами. По направлению в тыл их поезда стояли на разъезде № 62, станции «Шамары» (штаб) и разъезде № 61.

Наши части занимали ст. «Шаля», где и находился штаб командующего фронтом капитана Крейши^{xxviii}.

И наши, и большевистские войска были сосредоточены исключительно по линии железной дороги. В стороны посылались только редкие разведки. Так же узок был соседний южный (вдоль Сибирского тракта) фронт. Промежуток между этими фронтами, если не считать случайных и незначительных разведывательных разъездов и частей местной сельской охраны, оставался совершенно свободным. Им-то я и решил воспользоваться, чтобы достигнуть снова нашей стороны.

Днем 11-го августа я незаметно ушел с разъезда № 61 в сторону от железной дороги в южном направлении. Идти пришлось лесом, без дороги, т. к. я остерегался столкнуться с красноармейцами. Пройдя не больше 1,5–2 верст, вышел на несколько крестьянских домов. Полежав немного на опушке леса и убедившись, что красноармейцев здесь нет, я решил выйти к жилью, порасспросить о дороге и, если можно, нанять лошадей. Лошади нашлись, и, выждав вечера, я отправился с одним из крестьян верхами через д. «Вязовку»^{xxix} на д. «Лысую Гору»^{xxx} (около 15–18 верст).

Отдохнув немного в последней деревне, на рассвете 12-го августа отправился верхами по глухой тропинке в д. «Вогулку»^{xxxi} (около 20–25 верст).

От «Вогулки» думал сначала пробраться в д. «Кувары» (верст 20), чтобы дальше ехать тем же маршрутом, каким я пользовался при движении вперед (т. е. Кувара — Вороновка — Старобухарово — Бисертский завод — ст. Дружинино). Но, доехав до «Кувары», узнал от крестьян, что Бисертский завод уже эвакуирован нами, т. к. вблизи его, по слухам, показались значительные силы красных. Тогда я изменил свое намерение и из д. «Кувары» отправился верхом прямо на ст. «Шаля» (верст 30), относительно которой я знал уже, что там стоит чешский отряд.

Поздно ночью 12-го августа я, не встретив никого по дороге, добрался до ст. «Шали» и вышел к чехам.

^{xxviii} Имеется в виду Крейчи Людвик (1890–1972) — чешский военачальник. Родился 17 августа 1890 г. в г. Брно в крестьянской семье. Окончил гимназию и Высшую лесную школу в г. Писек. Работал помощником лесничего. Участник Первой мировой войны. Командир роты 4-го Боснийского полка австро-венгерской армии. 17 мая 1917 г. взят в плен русскими войсками в Румынии. 16 июля 1917 г. вступил в ряды Чехословацкого легиона. Командир батальона 6-го стрелкового Ганацкого полка. Капитан (1917). Участник Гражданской войны на Востоке России. Командир 2-й стрелковой дивизии Чехословацкого корпуса. Полковник (1919). Бригадный генерал (1923). Дивизионный генерал (1928). Генерал армии (1934). С 30 ноября 1933 г. по 1 марта 1939 г. — начальник чехословацкого Главного штаба. После прихода к власти в Чехословакии коммунистов разжалован в 1950 г. в рядовые и лишен пенсии. Работал подсобным рабочим на пуговичной фабрике. Скончался 9 февраля 1972 г.

^{xxix} Вязовка — в 1918 г. деревня Молебской волости Красноуфимского уезда Пермской губернии. Ныне не существует. На современных картах обозначено как урочище Вязовка в Шалинском районе Свердловской области.

^{xxx} Лысая Гора — в 1918 г. выселок Молебской волости Красноуфимского уезда. Ныне не существует.

^{xxxi} Вогулка — в 1918 г. деревня Утинской волости Красноуфимского уезда Пермской губернии. Ныне — деревня Шалинского района Свердловской области.

День 13-го августа употребил на то, чтобы съездить в Бисертский завод за своим офицерским платьем, которое я там оставил, когда переодевался при движении вперед (см. стр. 7 отчета¹⁴⁾). Завод, как оказалось, был еще не занят красными, хотя и оставлен нашими частями. С комендантом завода Огожиным и конной местной разведкой я добрался до опустевшего завода. Но платье мне спасти все же не удалось, так как к нашему приходу в завод действительно вошли красноармейские части. Разведчики, дав несколько залпов, покинули завод; мне пришлось следовать за ними¹⁵⁾.

Поручик А. Роджер

РГВА. Ф. 39797. Оп. 1. Д. 4. Л. 22–28об., 30–32. Подлинник. Автограф. Черные чернила.

- 1) Собственный заголовок документа.
- 2) с вписано автором над строкой.
- 3) Исправлено. В документе здесь и далее по тексту ошибочно *Войтеховский*.
- 4) После *приходилось* автором зачеркнуто *встреча*.
- 5) После *в общественных местах* автором вписано над строкой и *правительственных учреждениях*.
- 6) *легкая* исправлено автором на *легких*.
- 7) После *так как* автором зачеркнуто *к*.
- 8) После *пароходов* автором зачеркнуто *за*.
- 9) *их* вписано автором над строкой.
- 10) После *ответственных* автором зачеркнуто *работников* и вписано над строкой *руководителей*.
- 11) После *где* автором зачеркнуто *в*.
- 12) *почти* вписано автором над строкой.
- 13) *полная* исправлено автором на *полное*.
- 14) Документ имеет авторскую нумерацию страниц с № 1 по № 19.
- 15) На документе имеются рукописная резолюция врио начальника гарнизона г. Екатеринбурга полковника Р. К. Бангерского: «Шт[абу] гарниз[она]. 1) Благодарность в приказе. 2) Справку сколько израсходовал — счет. Полк[овник] Бангерский. 27.VIII.1918» и рукописные делопроизводственные пометы: 1) «Вх[одящий] № 7. 25.VIII.[19]19^{xxxii}», 2) «№ 116», 3) «Докл[ад]».

References

- Ganin A. V. *Zakat Nikolayevskoy voyennoy akademii 1914–1922* [The Decline of the Nicholas General Staff Academy 1914–1922]. Moscow: Knizhnitsa Publ., 2014. (In Russian).
- Kruchinin A. M. [From the Ural Mountains to Shcheglovsk Taiga: the Brief History of the 7th Ural Mountain Rifles Division (Conclusion)]. *Belaya Armiya. Belaye Delo* [White Army. White Cause], 2003, no. 12, pp. 46–65. (In Russian).
- Kruchinin A. M. [A Secret Assignment]. *Retrospektiva* [Retrospective], 2008, no. 5 (10), pp. 71–75. (In Russian).
- Kruchinin A. M. [The 12th Ural Rifle Division in the Struggle in the East of Russia, 1918–20 (Conclusion)]. *Belaya Armiya. Belaye Delo* [White Army. White Cause], 2012, no. 20, pp. 5–33. (In Russian).
- Kruchinin A. M. *Belyy Ekaterinburg (1918–1919): armiya i vlast'* [White Ekaterinburg (1918–1919): Army and Power]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii Publ., 2018. (In Russian).
- Permskoye Alekseyevskoye real'noye uchilishche. 1876–1917 gg. U istokov professional'nogo obrazovaniya...* [Perm Alekseevskoe Real School. 1876–1917. At the Origins of Professional Education...]. Perm: Permskiy aviatsionnyy tekhnikum im. A. D. Shvetsova Publ., 2016. (In Russian).
- Weber M. I. [An Unsentimental Journey: The Letter from A. I. Tarasov-Rodionov to Petrograd Bureau of Central Committee of RCP(B) about His Trip to Siberia in the Summer of 1918]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2023, vol. 2, no. 3, pp. 132–151. DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-3-132-151 (In Russian).

^{xxxii} Вероятно, описка, и следует читать [19]18.

Weber M. I. [Kryzhanovsky as a Figure in Anti-Bolshevik Movement of Urals and Siberia in 1918–1920]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 2023, vol. 12, no. 10, pp. 305–325. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-305-325 (In Russian).

Рис. 11. Групповое фото учеников 7-го класса Пермского Алексеевского реального училища и их преподавателей. Июнь 1911 г. Публикуется впервые. А. А. Роджер на фото второй слева в третьем ряду снизу, Д. И. Тибо-Бриньоль — второй слева во втором ряду, Н. В. Крисанов — второй справа в пятом ряду, Н. А. Нessler — третий справа в третьем ряду

Fig. 11. Group photo of 7th-grade students of the Perm Alekseevsky Real School and their teachers. June 1911. Published for the first time. A. A. Roger is second from the left in the third row from the bottom, D. I. Thibault-Brignolle is second from the left in the second row, N. V. Krisanov is second from the right in the fifth row, N. A. Nessler is third from the right in the third row.

Рис. 12. Александр Александрович Роджер. Июнь 1911 г. Публикуется впервые
Fig. 12. Alexander Alexandrovich Roger. June 1911. Published for the first time

Источник: ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 3. Д. 5663. Л. 1

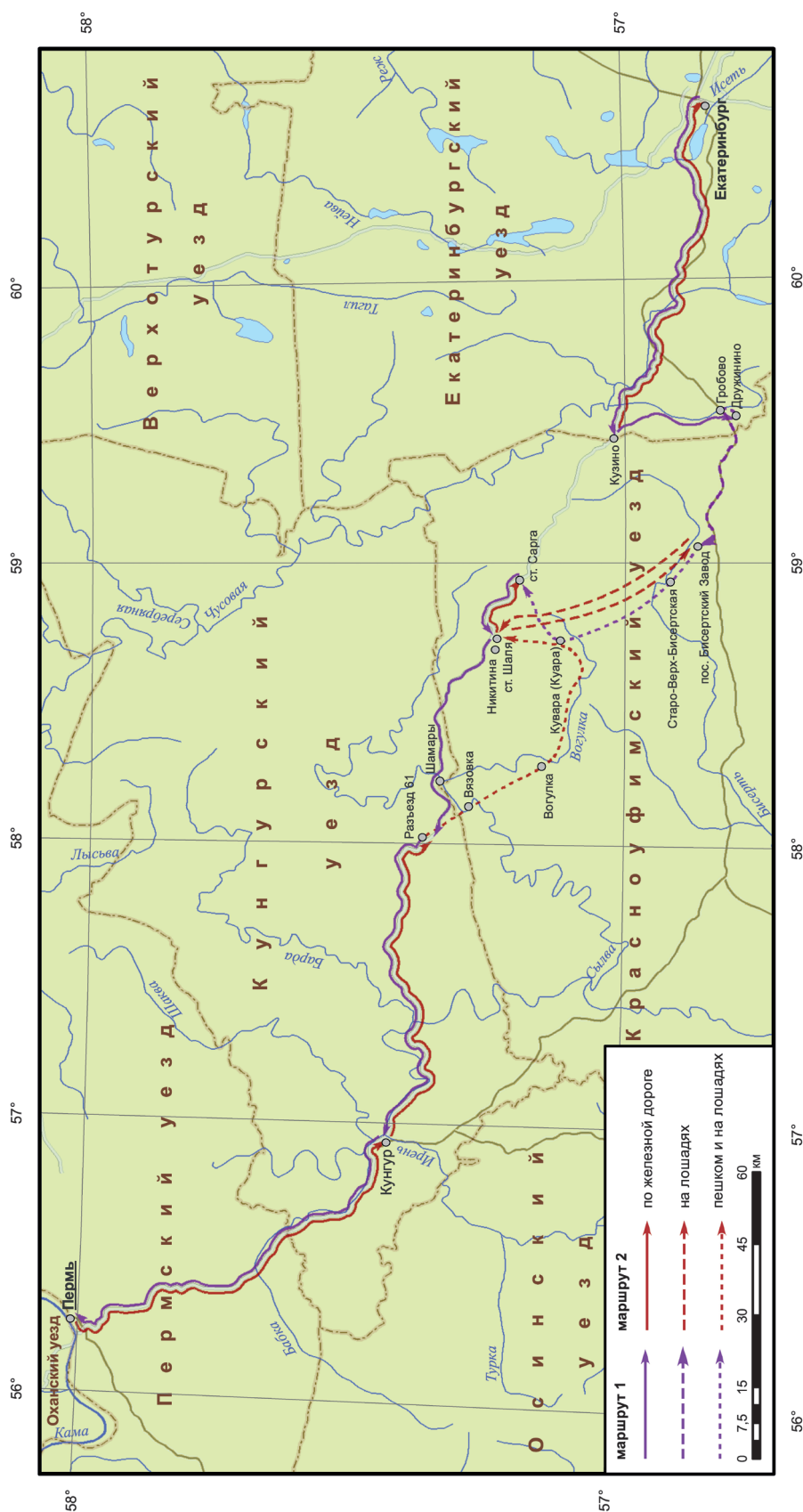

Рис. 13. Карта-схема путешествия А. А. Роджера из Екатеринбурга в Пермь и обратно (1–14 августа 1918 г.)

Fig. 13. Map-scheme of A. A. Roger's journey from Ekaterinburg to Perm and back (August 1–14, 1918)